

Солнечный угар (Крым, май-2021)

Автор: С. Фейгин; корректор и наборщик: Т. Фейгина; фото: Л. Абрамова, Е. Альтшулер

I

Ночь. Тёпло-холодный свет сумеречных подземных ходов метро. Мысли плавают в клапане рюкзака вперемежку с конфетами в апатичной надежде наткнуться на что-то, чего нет, а должно быть. Должно быть, выход на вокзал сюда. Ветер. Кто это пронёсся с такой скоростью? Люша. А я думал, что тороплюсь...

II

Так всё началось. Но по-настоящему всё началось, когда фирменный таврический поезд разверз свои двери и исторг из них пёструю нитку пассажиров, галантно подставив им для спуска ломаный выдвигной язык. И нитка заскользила прочь от платформы, извиваясь по тротуарам посёлка Багереве.

Почти никто не разговаривает, лица в целом благодные, но с налётом суровости, будто в ожидании каких-то подвигов или трудностей, которые несомненно будут решительно преодолены. Ненавижу подвиги. К счастью, тягучий южный воздух не располагает к мыслям о них. Кажется, если расслабить ноги, не упадёшь, а плавно опустишься на землю, поддерживаемый вялыми струями ароматного ветерка. Асфальт, где-то подсознательно ассоциирующийся с цивилизацией и её благами, сменяется грунтовой дорогой, атакуемой с обеих сторон травами. Под ногами и по стеблям рассыпаны белые конические домики улиток, похожие на кусочки мела. Лёгкий шаг, блёкло-лимонный свет неохотно открытого спросонья солнечного глаза и тёплое мягкое течение воздуха – как не почувствовать себя на курорте?! А уж если намазаться кремом от загара...

В общем, в ходе приятной беседы, пришедшей на смену молчанию, я узнаю, что наша цель – ~~прекрасный райский пляж около лазурного моря, обсыпанный, как рубинами, розами величиной с конскую голову~~ грязевой вулкан.

– Он должен быть тут! – показывает Полина на миленький лужок, ничем не напоминающий вулкан. Спрятался, наверное. Наши поиски заканчиваются где-то посередине луга плотным залипанием в ехидно подхлюпывающую жижицу, покрытую зелёным ёжиком травы. Знаете, чем замечательна морская свинка? Тем, что она не морская и не свинка. Вулкан лучше свинки: он точно грязевой.

Закончив осмотр Кракатау местного разлива, мы движемся к нашей будущей стоянке. Пыльная сухая дорога, по бокам которой светятся красные искорки адонисов, а временами пламенеют лиловые свечи ятрышника, змеится, то поднимаясь на холм, то спускаясь в долину. Теплота растёт и ширится, и всё меньше в ней утренней свежести, но всё больше южной жестокости. Линия путников растянулась и теперь напоминает пунктир. Минипривал в ожидании хвоста ознаменовался встречей с восьминогими друзьями.

– О, на мне клещ! И ещё! Пять! – раздаются гадливо-злорадные возгласы. Все считают, у кого больше. У меня 5, а вот у Люши 6. Завистливые неудачники, едва прельстившие одного или двух захудалых клещиков, начинают рассуждать про повышенные адгезивные свойства моих штанов, не желая признать, что они не во вкусе ценителей крови.

Небольшая лощина, втиснувшаяся между невысоких холмов, должна служить нам местом сегодняшней ночёвки. Избавившись от тяжёлых рюкзаков и оставив в лагере ответственного Лаптя и уставшую, но уж точно не унывающую Матильду, мы отправляемся снова в путь – через степное разнотравье к далёкому морю.

Сухой соломенно-жёлтый, травяной, а сверху – сизовато-синий, выцветший, но ещё свежий – все цвета насыщаются звуками ломающихся стеблей и крошащейся обезвоженной почвы. Ноги. Нестройные ряды переступающих ботинок. Руки, несущие ручки и блокноты, в которых красивая белая бумага уже очернена следами интеллектуальной деятельности. Головы. В панамках, платках и кепках, по которым видно, помнят ли они лишующий яркости взгляд солнца. Глаза. Куда же они смотрят? Там, вдали, видны чёрные точки, периодически поднимающиеся в воздух.

– Дрофы! – сообщают Стёпа и Люша, снабжённые техническими преимуществами. Любители зрелищ (в частности, я) набрасываются на любителей птиц и, вежливо отобрав бинокли,

разглядывают далёкую стаю. Смотрю в круги линз, обрамлённых чёрным пластиком – действительно, птицы, штук двадцать. Смотрю на лицо Стёпы: выражение, которое, наверное, было на лице у Катона Цензора, когда Карфаген таки был разрушен.

Я вообще люблю орнитологов – они с таким увлечением рассказывают о различиях разных цапель или куликов, что на них просто приятно смотреть! Главное не проболтаться, что твоё наибольшее достижение состоит в умении отличать пингвина от удода... То, что ползает по земле, как-то понятнее и ближе простому смертному. Поэтому неуклюжие, но быстрые недозмеи желтопузики, с шорохом уползающие в какие-то им одним известные убежища, вызывают у меня больше интереса. Их премудро-туповатый взгляд всегда оказывает какое-то успокаивающее действие.

А вот Чумичке не до спокойствия: прямо у неё из-под ног выскочило нечто и унеслось вдаль, потрясая ушами. Бедный заяц, не читавший, видимо, сказок о том, как Черепахусы обгоняют косяк, верил до последнего, что его не настигнут.

Когда долго идёшь, надоедает думать о том, что ты идёшь, особенно если тепло. И тогда, в тот момент, когда вода в бутылочках у всех, кроме тебя, закончилась (кстати, у тебя она осталась ровно для того, чтобы потом, отдавая её через часок-другой кому-нибудь умирающему от жажды, качать головой и вполголоса удивляться: «Как можно так много пить?»), так вот, в этот момент и научаешься видеть то, что вокруг. А вокруг – степь. Посреди невзрачного озера злаков вдруг вспыхивает тюльпан такого яркого красного цвета, что кажется, его обронил кто-то шедший с букетом таких из цветочного ларька. А на зелёном острове, сохранившемся между охристыми струями дороги, расцвёл миндаль, подняв на скрюченных ветках нежно-розовые цветы.

Большая стройная змея нехотя уползает на обочину, лениво-неодобрительно глядя на нас. Тёмные изгибы тела уносят её голову куда-то в сторону настоящей тюльпанной вакханалии: две оранжево-алые полосы тянутся вдоль двух обочин в сторону моря. Да, море уже видно, а у моря должен быть колодец с пресной водой, чистой и прозрачной, словно жидкий хрусталь, идеально подходящей для обеда.

Презрительно обойдя сомнительную лужу, мы устремляемся к пляжу, где и должен быть источник живительной влаги. Мусорка. Прямо в колодце. Да-да, никакой воды, зато пластиковые бутылки, крышки и сомнительные продукты сомнительной человеческой жизнедеятельности. Где там была такая классная лужа?

Оставив всех остальных предаваться пляжным утехам, мы с Полиной идём кипятить воду из лужи. Солнце достигло пика своей активности, и мне кажется, что я кусочек сливочного масла, плавящийся и одновременно текущий по дороге. Это даже приятно, но не способствует активной и продуктивной деятельности. – Стёпа, шевелись! – Полина явно обеспокоена пассивным характером моего движения. Ломаю сухие ветки жалких кустов, погружённый в апатичный бред тридцатиградусной жары, охватившей всё вокруг. Как же прекрасно было бы остановиться прямо здесь, врати в бежевую растрескавшуюся глину и высохнуть в знойной тишине! – Ещё! Быстрее! – костёр – самое уместное в такую погоду явление – облизывает чёрные стенки кана. Если набирать воду чашкой, то даже из лужи можно набрать относительно чистой...

Сероватый песок. Босые ноги. В руке качается кан с кипятком. Пока происходит обед в тени скалы, можно погрузиться в прохладные воды бухты Широкой. Солёные, ледяные, особенно на контрасте с горячей кожей, напитавшейся золотым соком солнца.

Крем Полины-младшей постигла судьба Стёпиного антиклещевого аэрозоля: его пустили по кругу. Ещё бы: сгорели все, даже Полина-старшая, не желавшая этого признавать, но приобретшая лёгкий красноватый оттенок.

И снова шаги, уступы. «Во всех частях растения содержится эфедрин...» Камни, песок, щебень... «Про *Arabidopsis* ежегодно выходит более 10000 статей...» И, наконец, он – луг, известный разнообразием окраски тюльпанов. И правда: помимо красных, появились цвета жёлтого кадмия и гладко-оранжевые, оттенка бумажного фонарика.

Дорога в лагерь представляла собой лёгкий вечерний променад вдоль берега моря. Было всё: и куст тёрна, от которого нервно шарахнулся Влад, невнятно и затравленно бормоча что-то про «белые пятичленные цветочки» (что делает с людьми аллергия...), и бухта, в которой всплыл дельфин и, судя по Люшиным глазам, смотрящим в бинокль, игриво махнул ей хвостом, и даже ещё один десятиметровый колодец, в котором тоже почти не было воды. «О, туда можно залезть!» – экстремистские идеи Чумички всегда восхищают открывающимися перспективами.

Например, премии Дарвина. Ну, и вишенкой на торте стали грязи озера Чокрак. Зачерпнув указательным пальцем чёрной зернистой гущи, Полина обошла всех, настойчиво предлагая вдохнуть незабываемый аромат тухлых яиц и явно радуясь отвращению, с которым школьники отклонялись и жадно глотали свежий воздух.

Путь завершился дегустацией воды из источника и профессиональной оценкой её вкуса. «Здесь она слегка более солёная, но менее минеральная». Осталось только добавить пару слов про бананово-ананасовое послевкусие, навевающее воспоминания о тропическом лесе.

III

Итак, этот день можно разделить на две части: первую и вторую. Если точнее, то жизнь земную и путешествие по Данте. Начнём с земной жизни.

Проснувшись под ободрительные, но не ободряющие крики «Встаё-ом! Завтрак готов!» и употребив упомянутый завтрак, мы двинулись на орнитологическую экскурсию. Над нами кружатся луни, а иногда пролетает цапля, которых, как нам сообщил Стёпа, здесь 4 вида: бурая, серая, большая и малая белые. Ну, от пингвина отличить можно, так что цапель относим к удодам.

О, это уже интереснее – в ветвях дерева, растущего на берегу озера, запуталось нечто странной формы и серовато-землистого цвета. Оказывается, это гнездо ремеза. В порядке орнитологической справки Люша сообщила, что оно напоминает варежку. Естественно, не придумав ничего умнее, я тут же его надел, в полной мере оценив старания неленивых птиц.

Выбравшись на открытое пространство, поросшее невысокой мягкой травой, мы продолжили подглядывать за птицами. Кулик-ходулочник однозначно определён в группу пингинов. Вышагивая на своих красных ногах-зубочистках, он имеет вызывающий вид. А вот куда отнести поганок, я так и не понял...

Когда ты за кем-то наблюдаешь, легко забыть, что кто-то может наблюдать за тобой. Причём с корыстными целями: новый клещевой урожай утвердил Люшу на первом месте – 21. Мои 16 всё же удерживают второе.

Завидев вдалеке огромное грязевое озеро, мы, возглавляемые (кем же ещё!) Чумичкой, бросились навстречу чёрной жиже. «Хлюп-хлюп» и сероводородный дух – что ещё нужно для счастья? Вскоре из умелых рук вышел липкий чёрный слон с отваливающимся хоботом. Серая гладкая поверхность озера покрыта отпечатками его создательницы, раскинувшейся то тут, то там в разнообразных позах существа, почувствовавшего себя в родной среде обитания.

Пройдя по серой пасте, устланной многочисленными белыми костями птиц и мелких зверей, мы были вынуждены вытащить из грязи Чернорукую Чумичку, разлучить её с её липкоухим творением и отправиться дальше – к темнеющей в светлом теле горы ране пещеры.

Внутри выгрызенной человеком полости веет прохладой. Рывины, оставленные машинами, и следы посещения коров. Угловатая тень метнулась в темноту, трепещущая на фоне отсвечивающего кремово-белым свода. Ну, разумеется: летучие мыши. Лапоть уже начал фотосессию, наставив объектив на трепещущую от смеси ярости, презрения и страха, висящую вниз головой подковоносую модель. Обнимающие тело тёмные плотнопергаментные крылья, бежево-охристый оттенок кожи и розовый нос в пол-лица – красавица готова.

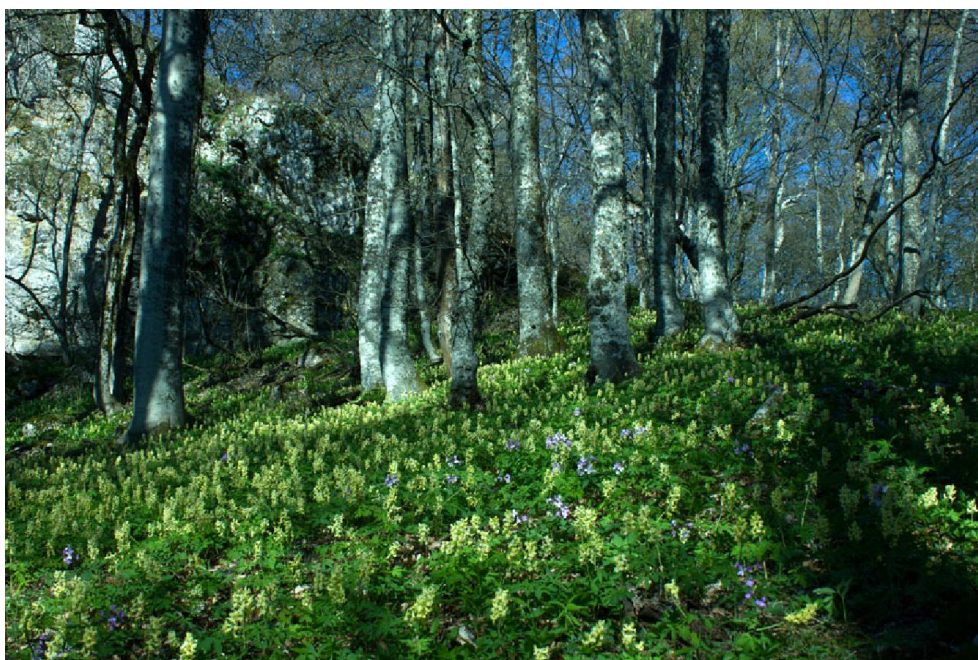

В лагере нас ждут несобранные палатки, которым предстоит в очередной раз сжаться в комочек и, обняв себя собственным чехлом, втиснуться меж других вещей, будто в переполненную маршрутку, трясущуюся по разогретой дороге.

От дороги и правда поднимается тёплая пыль, повисающая безвольно-неподвижным облачком над тем местом, где только что прошли навьюченные, как верблюды, путешественники. Справа проплывает приличное стадо коров, издав далеко похожих на группу тлей на огромном листе степи.

«Кто со мной пойдёт в магазин?» – вопрошает Полина, собирая отряд для набега на местную продуктовую точку. Визит в магазин похож на реквизицию провианта проходящей через посёлок армией. На вопрос «Вам какую?» продавщица получает ответ «Съедобную!» или «Давайте уже какую-нибудь, и побольше». Её это явно забавляет: всё-таки общение с нашим лидером – это всегда приключение, особенно с непривычки.

С погрузки продуктов в машину начинается «Божественная комедия». Нашим Хароном оказался угрюмый темноволосый водитель, любящий общение по телефону и в соцсетях (его попытки трижды с нами списаться через Вотсап вызвали у Полины только ассоциации с «чатиками в контактиках» и слабо контролируемое удивление). Полтора часа тряски по щебнистым волнам Стикса – и мы у стены Ада. Лёгкий перекус чем-то подножным предшествует началу восхождения на склон, поросший редким светлым лесом. Всё напоминает какой-то красивый фильм: тепло-лимонные волны света разбиваются о волнорезы деревьев, оставляющие пенные следы тени, наискось перечёркивающие лицо. Листва шуршит под ногами, и даже лёгкий ветерок касается колышущихся волос.

И всё прекрасно, пока не оглядываешься назад и не видишь чёрные точки отставших, затерявшихся между колоннами стволов. Тогда невольно начинаешь думать о неизбежности уже не такой далёкой ночи. И вот уже слышен неотъемлемый атрибут Ада: безутешные стенания, хрипы и мольбы о пощаде. Полина подгоняет грешников угрозами и обещаниями далёкого привала. Но в демонизме образа никому не сравниться с Чумичкой: идя в хвосте с самыми медленными, несчастными и обиженными, она не перестаёт широко и искренне улыбаться

(может быть, даже надеется так подбодрить обречённо смотрящих в землю и тяжело дышащих попутчиков).

Во время остановки мы узнаём, что Таня, по лицу которой скатилась слеза радости, как-то раз случайно прошла с подругой сорок километров. Тяжёлый эпизод из прошлого, кажется, лишь вдохновляет её, ибо её лицо явно выражает «Можем повторить!» или «И не такое переживали».

Тропа карабкается вверх, цепляясь за бугристый склон. Земля, по которой уже поползли лиловато-синие тени (верный признак приближения ночи), застлана ковром из нежных, кремово-жёлтых соцветий хохлатки. Будто миниатюрные люстры в вечернем зале, они наполняют мрачнейший лес мягким свечением. По мере того, как заходит солнце, этот свет становится всё заметнее. А оно уже, между прочим, скрылось за пиками гор, и лёгкая прохлада пришла на смену лёгкой теплоте.

Мы разделились: одна группа отправилась на перевал искать воду и ставить лагерь, а другая осталась ждать Чумичку с отстающими. Я оказался во второй. А дальше всё слилось в какую-то полосу бедствий: ожидания перемежались волоком чьих-то рюкзаков и их хозяев по колдобинам дороги, стонами и изматывающими передышками, во время одной из которых я даже научился у Люши прыгать и трястись, произнося какие-то малоблагозвучные сочетания гласных и согласных (Люша безапелляционно заявила, что это лучшее якутское средство против замерзания). Догнавшие нас девятиклассники, вероятно, решили, что ко всем неприятностям добавилась ещё одна: в команде теперь двое припадочных.

Наконец, спотыкаясь впотьмах о камни и коряги, мы добрались до ручейка, на берегу которого уже горел костёр. Наступила фаза Чистилища: теперь от наших усилий зависело, насколько быстро закончится этот день. Даже не хочу вспоминать процесс постановки палатки и приёма пищи. Главное, что это всё закончилось. Где-то я слышал, что после Чистилища бывает Рай...

IV

Решив, что Беатриче нам ни к чему, и потому оставив Люшу с жертвами вчерашнего дня, их больными ногами и не готовыми к раю душами, мы (группа из шести человек) двинулись на Демерджи-яйлу – плоскогорный безлесный простор, распластавшийся на километры во все стороны. Ворс сухой травы скользит по обуви, а каждый шаг вверх расширяет пронзительно чистое небо и отдаляет горизонт.

В кружевной зелени листьев горят слёзы Солнца – крупные бесстыдно-яркие цветки адонисов (др. вид). Идеально подходят для украшения синей панамки.

Розовые бутоны горных пионов готовы вскрыться кровавым фонтаном на бархатисто-болотной коже. Один уже упруго положил лепестки на ветер, бесстрашно подставив сердцевину под удар безразлично-свирепого Солнца.

Более подготовленный вид имеют ростки сон-травы, покрытые, как густой шерстью, беловатым пухом. Их неяркие фиолетовые лепестки образуют чашу, на дне которой желтеют десятки тычинок. Ветер несёт едва ощутимый аромат, поднимая его в недостижимую синеву неба.

Раскинув крылья в вышине, над нами парит пингвин удо́д «змееяд» – выручает Стёпа с биноклем, заморожено поблёскивая недобрым огоньком сверкающих стёкол. Птица выглядит так хищно и так внимательно оглядывает нас, что меньше всего на свете хочется быть похожим на змею.

Вдоль салатовой полосы рощи движется пара косуль, по очереди разглядываемых нами в бинокль. К сожалению, они очень чутки, а я не очень тихий, поэтому вскоре они скрываются из виду. А мы движемся вслед за ними, то спускаясь, то поднимаясь по мохнатым склонам, согнувшись под разными углами к уже утвердившемуся в небе светилу.

Если на карте обозначена пещера, да ещё и в пределах досягаемости, нельзя пропустить такое зрелище. Поэтому ещё через полтора часа пути наша нестройная минитолпа спускается с холма в небольшую долину, где уже стоит лагерь спелеологов. Их костюмы, похожие на водолазные, развешаны между деревьев. А на краю этой поляны виднеется тёмное, неприятное на вид отверстие. От него веет холодком и опасностью. Как говорится, не было у бабы забот – заделалась баба спелеологом и полезла в узкую тёмную дырку в земле, держась за шестимиллиметровую верёвку. В общем, Полина спускает Лаптя на ниточке в неизвестность, но самое странное – он не только не против, но и сам инициировал это действие, достойное мечтаний Чумички о спуске в гадкий колодец. Вот скрылись плечи, вот и голова исчезла во мраке. Когда раздался звук лопнувшей струны, а верёвка вяло обвисла в руках Полины, наступила неприятная тишина. Наконец, Лапоть отозвался и сказал, что у него всё в порядке. Уже на двойной (а можно было бы до этого догадаться и сначала!) верёвке наш спелеолог вылезает наружу. «Зафиксируйся надёжно!» – говорит мне Полина, пока я страхую конец верёвки, и смотрит на меня так, будто это я нахулиганил и засунул своего преподавателя биохимии поглубже под землю, пытаюсь выклянчить пятёрку. Из царства Аида не возвращаются без памятных сувениров: на этот раз подарком стала красная полоса от проскользлившей по руке верёвки.

Как мы помним, один Лис требовал, чтобы его накормили, напоили и напугали. Что ж, третий пункт программы выполнен, а вот обеда так и нет, как и воды. Ещё километра два пути и перед нами новая дыра в земле, оснащённая лестницей и, судя по карте, содержащая воду. На этот раз жертвой геологических изысканий нашего вождя стала Чумичка (мечты сбываются, когда не ждёшь!). Через две минуты она вылезает по шатающейся лестнице без воды и злая. Всё пересохло.

Наконец, где-то через час ходьбы, сопровождаемой беседой об ужасах онлайн, мы всё же нашли источник подземного проистекания. На окраине другого спелеологического лагеря. Общий

недостаток воды подтвердился и позже, когда по дороге в нашу райскую долину мы прошли озеро со звучным названием Эгиз-Тинах. Симптоматично, что вместо воды оно было заполнено сухой травой.

До лагеря рукой подать, а мы стоим на ветру на доминирующей высоте. Вид у большинства вовсе не доминирующий: мощный поток свежего ветра в исступлении пытается порвать одежду на части, глаза невольно полузакрыты. Насекомых тут нет вовсе – всех сдуло, а растительность, хоть и низкорослая, смотрится гордо и эффектно. Чего не скажешь про девятиклассников, обречённо скитающихся по лагерю. Люша всё-таки не выдержала и затащила их в гору. В воздухе витает дух зачёта, который, кстати сказать, за горами в прямом смысле слова.

Как хорошо, когда все зачёты в прошлом, а в настоящем и будущем – песни у жарко-оранжевого костра в туманно-лиловых сумерках, боязливо струящихся вокруг!

V

Великий переход! Это когда долго-долго идёшь, а потом усталый, но довольный с чувством выполненного долга ужинаешь в приятной компании божественной пищей и со вздохом ложишься спать. Как бы не так. Началось со вздохов. Челлендж «как впихнуть невпихуемое»: прыгая на чужом рюкзаке, как Баба Яга в ступе, пока владелец содрогается в сторонке и утешает себя: «Видимо, так и надо...».

Наконец, мы покидаем лагерь (я – украсив изящной веточкой цветущего тёрна свою панамку).

И снова перед нами упавшая на спину яйла, подставившая грудь под упругие шаги покачивающихся, как толстые жуки, людей с рюкзаками. В путь по рассыпчатой халве дороги нас провожает Эгиз-Тинах. Ландшафт постепенно меняется, почва приобретает красноватый оттенок. Очередной поворот открывает нашему взору расщелину, убегающую ржавой каменистой рекой вниз. Вдали виднеется краешек сползающего с яйлы лесного покрывала. Прежде чем нырнуть под него, мы взбираемся на вершину прилепившейся к краю спуска горки, чтобы запечатлеть себя на снимке в лучах крымского солнца. ТРРРРК-ТРРРК – щёлкает нас на фоне простирающегося до горизонта моря чёрный глаз.

Спуск по осыпающейся под ногами тропинке, прикрытой от уже жаркого солнца кронами буков. Напоминает Кавказ. Почти осязаемые волны зноя катятся по склону, неся нас за собой в сторону сосновой рощи, обвитой бежевой тесёмкой дорожки.

Как ни странно, разжигать костёр в такую погоду не противно: бледное пламя, разрастаясь, превращается в пародию на солнце, и куда ни помотришь, воздух туго колыхается, искажая пространство. Как нельзя кстати чистый холодный горный ручей ниже по течению расширяется, образуя нечто вроде округлой ванны, идеальной для купания.

Но всякий привал конечен, а цель ещё далека: пытая и отдуваясь, ползём вверх, чтобы оседлать очередной холм. Периодически мимо нас проходят группы туристов различного состава и величины, вызывая бурную реакцию Влада, соскучившегося по социуму.

В солнечные дни так бывает всегда: после полудня утренний холодный лимонный свет сгущается и теплеет, становясь похожим на газообразный мёд. Тени из серых невнятных призраков становятся лилово-бурыми молчаливыми спутниками, методично переступающими вслед за тобой. Их растягивает по дороге, и они волочатся за хозяевами, цепляясь за колдобины и края ям.

Растянуло и нашу процессию – вступив в прозрачную полутьму лиственного леса, мы (Полина) оставляем для Чумички и её подопечных на листках, выпотрошенных из блокнота Влада, указания, куда поворачивать. Наверняка её позабавит на скорую руку сварганенный квест по лесному спортивному ориентированию без карты!

Долина реки Су-Ат оказалась довольно-таки оживлённым местом: по пути нам встретились два-три палаточных лагеря, а один раз по дороге мимо нас промчался чёрный внедорожник, вёзший куда-то двух дам весьма перетёртого и растрясённого вида, судя по всему, желавших потребить потрясающий вид заката в горах.

Как бы то ни было, среди стволов рощицы на обрамлённом светло-зелёными листьями белокопытника берегу Су-Ата нашлось место и для нас. Вот только перед тем как погрузиться в

суету постановки лагеря, мы с Люшей вынуждены отправиться на помощь изнемогающим, чей путь ещё далёк от завершения.

Костёр и тёплая еда реанимировали павших духом. Матильда и вовсе разошлась не на шутку: в чёрно-синем масле ночи распаиваются два блестящих настораживающим энтузиазмом глаза, тьму прорезает белозубая улыбка, и горе тому, кто подал вид, что желает поспорить...

Уже лёжа в палатке, слышу, как кричит какой-то удад, страдающий бессонницей. Неясыть. Поддержать беседу решила и Люша: от костра несутся провокационные ответы на неясытском, вызывающие бурное обсуждение в соседних палатках.

VI

– Хорошо, – скромно потупив глаза и зверски улыбаясь, Чумичка соглашается остаться в лагере и «помочь школьникам дособрать недостающие растения».

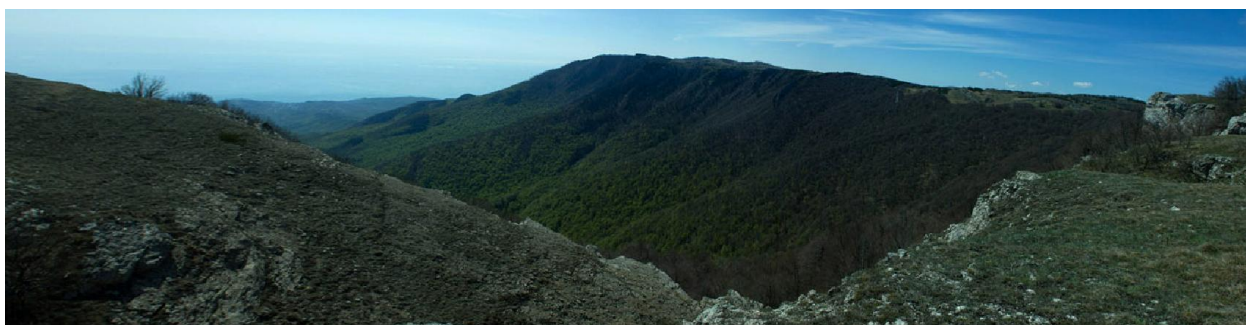
По пути прочь от лагеря проходим населённую туристами местность: разбросанные по полянкам горбы палаток и густая сеть разной степени протоптанности тропинок. Вдоль дороги тянется светлый лес, подостланный хохлаткой с временами пробивающимися соцветиями петрова креста.

Оставив дорогу более цивилизованным сородичам, мы пробираемся по валежнику вверх, стремясь туда, где кончается салатная полутьма.

Свободный свет высокого неба разлетается в стороны, отражаясь от бежевых глыб, покрытых сизой растительностью. Стол-гора вознеслась над окрестностью, гордо отстранившись от лесистых низин крутым обрывом. Ветер в бессильной злобе мечется из стороны в сторону, но всё, что он был в силах сорвать и унести, уже давно внизу.

Где-то там в болотном войлоке леса пролегает тропинка, по которой завтра нам предстоит вернуться в лоно цивилизации... Но пока что мы лишь удаляемся от неё, размеренно покоряя

холмы Тырке-яйлы. Тропа извивается, медленно скатываясь по склону, а вместе с ней, ведя светскую беседу, сползаем с холма и мы.

Карамелизованные козинаки, терпкий чай и бежевый свет, струящийся сквозь полотно крон деревьев – обед предшествует продолжению пути, но теперь уже не по открытой солнцу и ветру яйле, а по жидкому лесу. Под ногами, изогнув шеи, висят примулы всех цветов от бело-зелёного до бананово-жёлтого. Ветки, бьющие по рукам и лицу, постепенно редуют и открывают взору холм, на вершине которого белеет какой-то монумент. Стенд, щедро украшенный фотографиями, дал нам понять, что мы ступили на партизанскую тропу, усеянную такими достопримечательностями как Дедов Курень или партизанская мельница.

Действительно, через некоторое время ходьбы по густо усыпанной рытвинами дороге в поле зрения попадает ручей (р. Бурульча), ступеньками пробивающий себе путь вдоль основания массивной скалы. На одном из уступов установлено интересное сооружение: жёлоб, покоящийся на двух поваленных стволах, направляет поток на деревянную «мельницу», которая, спокойно подставив под струи свои лопасти, даже не думает крутиться.

Культурная программа, так внезапно настигшая меня в крымских горах, быстро завершилась, поскольку день уже начал превращаться в вечер, в то время как физкультурная программа была ещё далека от финала.

Оставив позади тёплый жёлтый и сухой степной участок, мы погрузились в сыроватую тень ущелья, перехватывая ветки руками и спотыкаясь о поваленные стволы. Очень к месту на пути оказался череп косули. Его приветливая гнилозубая улыбка и зияющие впадины глазниц способны вызвать у юных натуралистов неудержимый порыв запустить пальцы поглубже во все доступные области санитарно небезопасного объекта.

Дно ущелья оказалось каменистым истоком Су-Ата. Серые наваленные грудями валуны перемежаются лужами разных размеров. Их число и площадь увеличиваются, перепрыгивать всё сложнее. Со скрежетом щебня, растираемого о глыбы, наша процессия вторгается в родную долину, подминая под себя крупные листья белокопытника. Кругом – следы пребывания людей, прямо около тропы рядом с небольшой палаткой на плоском валуне расставлена посуда причудливой формы и с виду довольно тяжёлая. Чашечки, крыночки, какие-то кувшинчики... А вот ведь понёс же их кто-то в горы!

Ближе к ночи у нашего костра появился гость – высокий и хитроватый с виду мужчина исключительно туристического вида, оказавшийся руководителем тургруппы, вставшей лагерем в 200 м от нас. Он, дружелюбно улыбаясь, всё пытается узнать у Полины, куда мы идём и где собираемся стоять следующей ночью, ссылаясь на то, что может не хватить места. Узнав, что завтра мы покидаем Крым, он успокаивается.

VII

Задача на сегодня – перевалиться через пару десятков километров и оказаться в селе Перевальном. С этого момента цивилизованность окружающей среды будет лишь возрастать с каждым шагом, и хочется, покидая долину, оглянуться и охватить её взглядом целиком.

Упругие комья грязи, как непропечённое тесто, пружинят под ногами: партизанская дорога регулярно посещается машинами. Исполосованная следами шин, она ведёт вниз к речке Бурульче. Заострённые листья аронника по обеим обочинам заслоняют буро-кирпичную мозаику прошлогоднего опада, вмешиваемую в шоколадную пасту грязи шеренгами подошв.

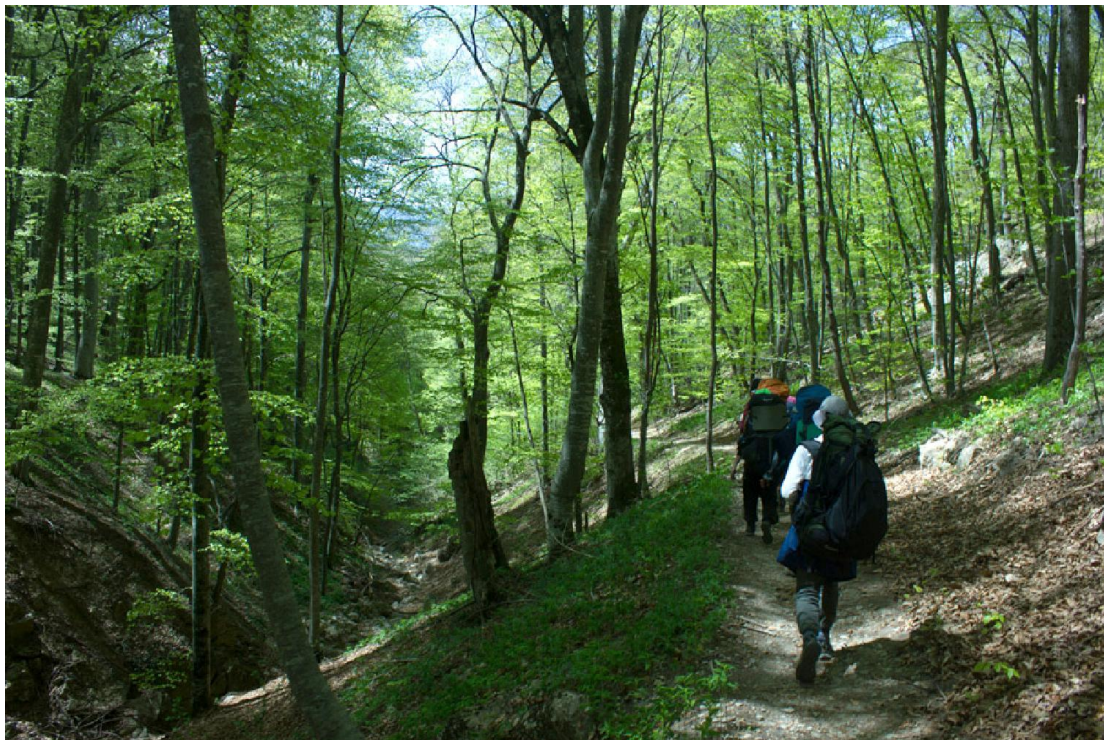
У самой реки расположены стенд и две постройки: навес со столом и... пляжная кабинка. Подойдя ближе, читаем, что кабинка предназначена для осмотра на предмет наличия клещей. Даже страшно заходить внутрь: если ей пользуются по назначению, то внутри наверняка сидят толпы злых, голодных, осмотренных и отвергнутых клещей.

Сочные, опушённые стебли соленантуса привлекают наше внимание. Мощные тяжёлые соцветия, обнесённые многорядной короной из продолговатых листьев, грузно возносятся над землёй. Покопавшись в шершавых цветках, Люша выносит вердикт: «Дихазий из монохазиев». Ближайшие пять минут безуспешно пытаюсь погасить хаотическую вереницу терминов, агрессивно захлестнувших сознание.

Меж тем клубок дорожек и тропинок объединяется и приобретает единое магистральное направление: теперь становится ясно, что мы движемся к населённому пункту. Встретив патристическую процессию и пройдя открытый участок, мы вновь оказываемся на опушке леса, выползающего из оврага на равнину. Характер движения нашей группы изменился: впереди несутся особо соскучившиеся по урбанистическим пейзажам, видимо, верящие в близость асфальта, Макдака и бешеного водоворота колёс.

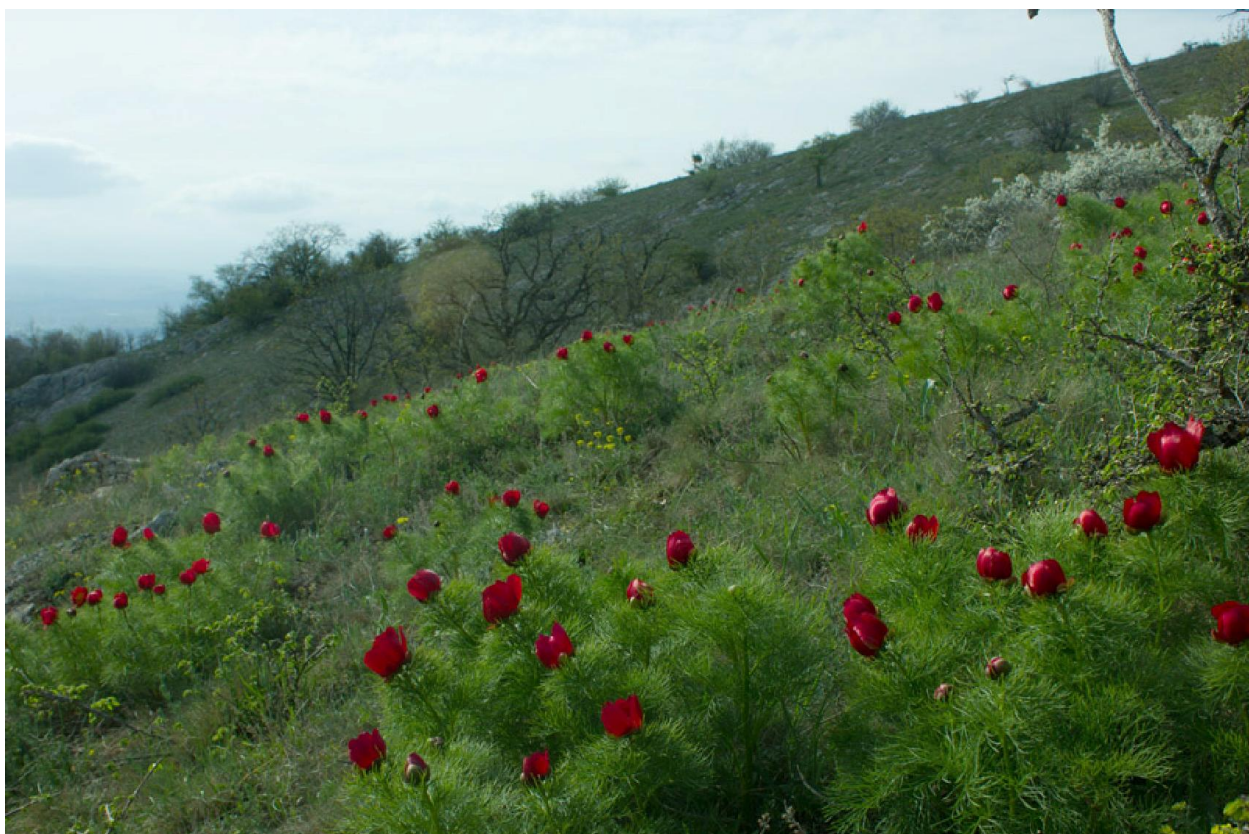
Скоро сказка сказывается, медленно по оврагу вниз спускается. Белёсый известковый щебень шуршит под ногами, резко проворачиваясь под подошвой. Родниковая струя заглушает голоса, поочерёдно наполняя металлические кружки.

Разочарование рвавшихся в родную стихию достигает пика, когда во время привала выясняется, что нас ждёт прогулка налегке по окрестностям с целью ознакомиться с флорой, да и просто расслабиться и получить удовольствие. Кто-то впавший в уныние от услышанного действительно расслабил руки, державшие сухую пюрешку, но вместо удовольствия получился фонтан сублимированного картофеля, плотно набившего причёски тех, кто не успел пригнуться.

Строгий наказ Полины, что нужно вернуться до пяти часов вечера, чтобы продолжить спуск в Перевальное – и мы устремляемся вверх по подлеску. Среди алых пионов на пористом известняке греются изумрудные ящерицы – но не они вызывают ажиотаж. Под перевёрнутым камнем на беду отдыхала многоножка: охотничий инстинкт энтомологов в широком смысле слова тут же нарушил идиллию. Взметая потоки камушков и агрессивно разбрасывая куски дёрна, охотники мечутся вслед за добычей. Этот процесс не имеет смысла пытаться остановить, только если не хочешь сам оказаться заспиртованным.

Растения в этом плане куда приятнее: они сподвигают человека на осознанное созерцание вместо деструктивного метания. Странной архитектуры цветки стевениелы ассоциируются с навесами Сиднейской оперы; под каждым навесом по бордовому «кошельку», жадно распахнувшему своё устье. Ну а обезьяний ятрышник выглядит прямо-таки вызывающе: растопырив пурпурные

конечности (да, хвост тоже имеется!), миниатюрный цветок-зверь нагло улыбается из-под трёхзубцовой шапочки, словно говоря: «Ну да, я обезьяна. Будто ты нет».

Наша Бетриче раздухарилась: она уже летит вверх по склону, экстатически устремив взгляд ввысь и рассуждая о том, как легко подниматься в гору. Вереница грешников угрюмо следует за ней, обречённо гремя незримыми кандалами. Ожидая хвост, узнаю от Чумички о маленьких радостях студента биофака. «Ну, я думаю, так у всех», – подытоживает она очередной повергающий в раздумья о невесёлом будущем рассказ из стен и застенков Университета.

Разумеется, мы опоздали. А как можно не опоздать, когда нужно расковырять цветок омелы, пробежаться по солнечному плоскогорью, скатиться в тень леса и по сучкам продраться к дороге, параллельно останавливаясь у каждого интересного растения?! Полина крайне недовольна. Если в результате нам придётся бомжевать в Перевальном, она точно скажет, что всё этим и должно было кончиться.

Но кончилось всё совсем иначе. Спустившаяся с гор группа дикарски забила автобус в Перевальном под тяжёлые вздохи и вежливые улыбки местных жителей, на беду нуждавшихся в этом же транспорте. Часок обречённого долбления головой о стекло под садистски прыгающим рюкзаком – и мы в Симферополе.

Ужинать для скорости решили двумя группами: одна в заведении «Автокафе», с логотипом, удивительно похожим на «Макдональдс», а вторая в кафе напротив. Вместо американского “KFC” там расположилось патриотически ни на что не намекающее “CFC”.

– О да! Если ты попал в фастфуд, надо обязательно брать гамбургер! – сияя, как начищенная монетка, Полина тащит гору патриотического продукта на стол. Крайне бесполезный (этот факт особенно радует нашего предводителя) ужин.

Проводница шумно удивляется моему имени и фамилии: «Скажи спасибо маме!» Бедная: ведь за мной в поезд садится Матильда Заец...

Ночь. Мерное постукивание колёс. По наущению Полины я в чужом плацкарте добиваюсь от сонного Андрея ответа, где квас. Андрей, видимо, очень вежливый: вместо трёхэтажного мата, я слышу, что моя цель на третьей полке.

– Это Вы чем меня укололи?! – обиженно вскрикивает женщина на соседней полке. – Всё хорошо, – невпопад отвечаю я, убегая с квасом от бесконтактно уколотой пассажирки.

Прохладный шипящий напиток и голубые прямоугольники света, скользящие по лицу. Так всё закончилось... Если не считать зачёта, укушенной клещом Вики и Лаптя, за компанию с ней закинувшегося антибиотиком. Но я это всё, к счастью, проспал и вам советую.